

В.А. Костенич (г. Могилев, Беларусь)

МИРОВОЗРЕНЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ ЖЕРТВЕННОСТИ

Человек существо смертное, а "смертность" есть "ахиллесова пята" человеческого бытия. Жизнь, во всех ее проявлениях и ипостасях, стремится противостоять энтропии смертного увядания и финалам небытия. При всей феноменологической "естественности" Смерти, она представляется человеку, как нечто, нуждающееся в своей обструкции и максимально возможном топологическом

о(т)странении к горизонтам неочевидности. Вместе с тем, танаталогический аспект философского дискурса, посвященный "теме Смерти", инициирует вопрос о парадоксе самопожертвования и его культурно-исторических артефактах.

Каковы мировоззренческие индульгенции наших экзистенциальных самозакланий и в контексте каких смысложизненных стратегий человек может "поступиться Жизнью"? Ради чего, ради каких онтологических и ценностных перспектив свершается таинство осознанного аутодофе? Что символизирует собой интенция жертвенности как для Того, Кто жертвует собой, так и для "анналов человеческого духа"?

Безусловно, размышляя над этими вопросами, следует сразу же исключить из рассмотрения всю многоликую палитру суицидальных версий бытийной безысходности. **Жертвенность не тождественна самоубийственной капитуляции перед невзгодами повседневности.** Она не зомбирована гипнозом безвольной обреченности или апокалипсическим кошунством отрицания Творения. Скорее, наоборот. В пафосе жертвенности присутствует иная "философия смерти", драматически свидетельствующая о том, что "смерть – не конец, а венец жизни", некое особое бытийное "место" бифуркации новых ценностных вселенных.

Жертвенность креативна, исторически и экзистенциально... жизнестроительна. Если воспользоваться бердяевской философемой, то можно было бы связать ее с софиологией человеческой антроподицеи, озабоченной поисками "образцов" наших духовно-практических "включений" в процесс обустройства и преображения тварного бытия.

В этой связи, необходимо хотя бы кратко воссоздать мировоззренческую траекторию "идеи жертвенности" в ее основополагающих тематических ракурсах и "умозаключениях"; экспонировать ее архетипические персонификации и бытийные уроки. Как нам представляется, хрестоматийный интерес вызывают в данном случае такие "действующие лица" человеческой истории как "мифологический Првочеловек"; осененный статусом богочеловека Иисус Христос и "первый диссидент" философского пантеона, Сократ.

Мифогероика жертвенности. Общеизвестно, что в подавляющем большинстве мифологий народов мира бытует миф о так называемом "Первочеловеке", который на заре становления Космоса из изначального Хаоса героически пожертвовал собой (а точнее своим телом) ради того, чтобы возникли исходные объективации человекоразмерности бытия.

Благодаря этой жертве мир обрел социокультурную историчность и герменевтический ресурс для метафорических уподоблений и интерпретаций. Отныне, все сущее предстало в качестве антропологической Ойкумены, противостоящей Хаосу безмянных трансцендентностей. Бытие "начало быть" словесно оформленным и осмысленно обживаемым. "Мир" заговорил на "языке человеческого присутствия".

Отталкиваясь от этого исходного мифа, первобытное сознание инкорпорирует его в структуры "праздничных ритуалов" и символику инициаций, в результате чего "профанный (обычный) человек" оказался подключен к сакральной проблематике "ситуации первотворения", как существо, призванное быть готовым мужественно "пожертвовать" своими "сиюминутными благами", ради корпоративной победы социума над "хаосами (праздничных) искушений вседозволенности". Пройдя через "смерть" подобных ритуальных провокаций, каждый человек не только ассимилировался к соответствующей культурной традиции, но и обретал импульс к "ответственному бытию", в контексте которого "жертвенность" трансформировалась в априорное условие любых "актов творения" и налагала на человека миссию "героического энтузиазма", во имя "(вы)Зовов Нового"!

Сотериология "попрания смерти". Библейская история искупительной жертвы хорошо известна и прочерчена множеством ортодоксальных и еретических интерпретаций. Богочеловек позволил распять себя на Голгофе за преступления сотворенного бытия, дабы таким "умопомрачительно божественным" (!) способом избыть несовершенства собственного Творения. Божественная жертва мыслится и трактуется как "революция в духовных глубинах Замысла и Смысла"; как Личное свидетельство богоугодности бытия, пронизанного жертвенными теофаниями "причастности" Творца ко Всему сущему. Однако, если "бытие Творцом" в мифогероике жертвенности концентрировалось на преображении человеческой сути (перед лицом хаосов повседневной безымянности), то религиозная версия акцентирует иные смысловые проекции жертвенного поведения. Пасхально "Смертью смерть, поправ..." Иисус Христос не просто демонстрирует свое "божественное превосходство" над фатумом экзистенциальной конечности. Вопрос в другом. А зачем вообще, Богу понадобилось "пережить смерть", пожертвовав своим "бессмертием"? Что характеризует собой "пантеистическое растворение Творца" в собственном Творении? Просто религиозный аналог мифологической первожертвы или новый субстанциональный принцип соучастия в бытии? И, наконец, какая возможная "философия поступка" намечается в религиозной транскрипции самопожертвования? По нашему мнению "смерть Бога", как в теистическом, так и в пантеистическом вариантах, была призвана засвидетельствовать целый ряд основополагающих мировоззренческих посылов (верующему) человеческому бытию.

Во-первых, пожертвовав своей абсолютной трансцендентностью и пантеистически-голгофно погрузив себя в Творение, а затем "пережив Смерть" (еще раз, уже на исторической Голгофе), Творец репрезентировал этими "событиями" тот факт, что дотальная временность "профанного бытия" не властна над Его Абсолютностью. Божественное "бессмертие" использует смерть в качестве своей причастности к Жизни всего "Иного". Более того, во-вторых, любая фактичность

"посюстороннего" пребывания в Сущем превращает Смерть (не только и не столько для Бога) лишь в "критический эксперимент" по поводу (нашей) подлинности как таковой. Очень емко ту же идею, в свое время, поэтически, постулировал Пастернак, написавший такие строки: "Жизнь ведь тоже только миг! Только ра-створенье! Нас самих, во всех других! Как бы Им в даренье!"

Таким образом, жертвенность не сводима к "жертве", как "однообразному" попранию "жала Смерти". Жертвенность есть богоподобное (человеческое) усилие по выстраиванию фундаментально иных "аксиом существования", которые не ограничены дамокловым мечом "сейчасности". Отныне, наша погружен-ность в "здесь и сейчас" предстает для человека в качестве "испытания на право быть" и инициирует "божественную Заботу и Попечение" над каждым ("смерти подобным") мгновением своего "бытия-к-смерти". Мож-но пожертвовать Жизнью, но непозволительно жертвовать "жизненностью"!

Философия жертвенного самостояния. Смерть Сократа загадочна и про-зрачна одновременно. Сократ-человек, соглашается принять смерть из "прин-ципиальных" соображений. Его "философия жизни" не позволяет ему "посту-питься принципами". Обвиненный в неуважении к сложившимся культурным традициям и ценностным стереотипам, античный мудрец отказывается бежать от надуманного наказания и... настаивает на своей смертной казни. "Жизнь по Истине" оказывается для него приоритетнее "ревизионизма соглашательства". Должное превыше Сущего, игнорирующего Должное. Жизнь не достойна того, чтобы "ее длить", если она требует от нас жертвы нашим собственным человеческим достоинством. **Есть пределы и границы нравственного кон-формизма. Если не Я, то "Кто"?** Лучше умереть, чем прозябать в трясины анонимной безличности. Несколько перефразируя известное крылатое выска-зывание: **"Живым Ты можешь и не быть, но Человеком быть обязан!"** Итак, возможно, Человек – есть То, Чем он готов пожертвовать! Не фанатизма ради... А во имя Жизни... В качестве суверенной Личности...